

УДК 008:14

И. Н. Коржова

<https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

**Возвращение горсти земли: отражение и трансформация
народного обычая в русской поэзии 1941-1945 гг.**

Для цитирования: Коржова И. Н. Возвращение горсти земли: отражение и трансформация народного обычая в русской поэзии 1941-1945 гг. // Мир русского-ворящих стран. 2020. № 2 (4). С. 97-106. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-97-106

В статье рассматривается отражение в поэзии 1941-1945 гг. обычаев, связанных с горстью земли. Если в предшествующей русской поэтической традиции упоминался преимущественно обряд бросания горсти земли при погребении, то в военной поэзии он не отражен вовсе. На первое место выходит обычай забирать с собой горсть земли, покидая родные места. Традиционно такая земля высыпалась возле нового дома или на могиле и тем самым превращала чужое пространство в свое. Но ситуация войны проблематизирует статус оккупированной земли, не позволяя однозначно оценить его в категориях «свое – чужое». В военной поэзии обычай предстает в трансформированном виде: землю берут при отступлении с клятвой возратить ее обратно. Так горсть земли становится знаком устремления людей к победе. Кроме того, целью обряда является не личное благо при жизни или успокоение в смерти, но достижение победы, которая в категориях народного мышления может быть описана как возвращение к правильному миропорядку. Новый обряд отражен в нескольких стихотворениях и одном очерке, что не позволяет с уверенностью говорить о совершении описанных действий в реальной практике. Но данный материал свидетельствует о глубокой связи советской культуры с народными истоками.

Ключевые слова: военная поэзия, горсть земли, обычай, обряд, метонимия.

I. N. Korzhova

**The return of a handful of earth: reflection and transformation of folk
custom in Russian poetry of 1941-1945**

The article considers the reflection of customs associated with a handful of earth in the poetry of 1941-1945. Whereas the preceding Russian poetic tradition mentioned mainly the rite of throwing a handful of earth at the burial, it is not reflected at in war poetry. The custom to take a handful of land with them, leaving their native places, has taken priority. Traditionally, this land spilled out near a new house or on a grave and thereby turned someone else's space into their own. But the situation of the war problematizes the status of the occupied land, not allowing it to be unambiguously

© Коржова И. Н., 2020

assessed in the categories of "own - alien." In military poetry, the custom appears in a transformed form: land is taken at the retreat with an oath to return it back. So a handful of earth becomes a sign of people's desire aspiration for victory. In addition, the purpose of the rite is not personal prosperity during life or comfort in death, but the achievement of victory, which in the categories of popular thinking can be described as a return to the correct world order. The new rite is reflected in several poems and one essay, which does not allow us to speak with confidence the described actions have been tried in real practice. But this material shows the deep connection of Soviet culture with folk sources.

Key words: war poetry, a handful of land, custom, rite, metonymy.

В верованиях восточных славян, как и многих других народов, особое место принадлежит почитанию земли. Большинство обычаев, связанных с землей, дошло и до наших дней, хотя смысл действий для наших современников часто уже затемнен и потому нередко переосмыслен. Земле исповедовались, на ней клялись, использовали в различного рода магических действиях, ее бросали на гроб усопшего, увозили с собой, покидая надолго или навсегда родные места. В этом широком круге обычаев нас будут интересовать те, которые связаны с горстью земли.

Традиция бросать на гроб или тело умершего землю известна многим конфессиям. В христианстве она объясняется словами из книги Бытия: «Земля еси и в землю отыдеши», хотя очевидно, что истоки этого обряда коренятся в более древнем мифологическом представлении о сотворении человека из земли и посмертном возвращении его в землю как о потенциальном возрождении.

Восточнославянский обычай брать с собой, оставляя Родину, горсть земли, хорошо изучен этнографами [Богатырев, 1916; Максимов, 1994; Мороз, 2004; Прыжов, 1934; Соболев, 1914]. Целей у такого действия было несколько: «Переселенцы перед отъездом брали с собой горсть 3<емли>, чтобы прижиться на новом месте и не скучать по родным местам (рус.). Так же поступали паломники и богомольцы: они захватывали с собой родной землицы, чтобы в случае внезапной смерти ее посыпали на глаза или на могилу умершему. Покидая родные края, люди прятали щепотку 3. в ладанке или узелке, носили ее на груди как оберег от всех бед» [Славянские древности, 1999, с. 319]. Также взятую в родных местах землю насыпали под подошву или смешивали с почвой у нового дома [Максимов, 1994; Мороз, 2004]. При очевидном выделении двух функций (использование земли при жизни или в похоронном обряде) в основе обычая лежит единое мифологическое представление. Б. А. Успенский [Успенский, 1994] дал универсаль-

ное объяснение этому кругу ритуалов: все они связаны с противопоставлением чистых и нечистых земель, за которым угадывается древняя базовая оппозиция «свое – чужое». Действительно, перенесение земли расширяет ареал своего, позволяет избежать опасностей в мире неизнанку, каким представлялась чужбина.

Распространение обычая у русских, по мнению Б. А. Успенского, связано и с языковой особенностью: «слово “земля” по-русски объединяет абстрактное и конкретное значение, означая как территорию (terra), так и материальную субстанцию (humus)» [Успенский, 1994, с. 384]. Словесное тождество подкрепляет метонимическую связь. Эту эквивалентность части целому народ отразил в пословице «Своя земля и в горсти мила, и в щепоти – Родина».

О жизнестойкости обычая в XX веке и сохранении его мифологической основы говорит исследование быта русских эмигрантов [Живанович]. Сбереженная частица родной земли использовалась ими прежде всего в похоронном обряде. Таким образом, два действия (сохранение частицы Родины при отъезде и бросание земли на гроб) объединялись в единый комплекс. Отметим, что исследователи не фиксируют, откуда именно бралась земля отъезжающими и что делали с нею, если все же возвращались на Родину. Хорошо известен в живой практике и другой обряд, хотя в

научной литературе он почти не осмыслен. Это зеркальное рассмотренному действие, когда горсть земли берется с могилы, как правило удаленной, и увозится с собой. Эту землю приносят на другие захоронения, символически соединяя близких, или хранят, очевидно, как знак общности с умершими.

В советской России не только не были забыты эти обычаи, но и вокруг горсти земли как сакрального предмета формировались новые обряды. Нашим материалом станут стихотворения 1941-1945 гг., в которых упомянута горсть земли или замещающий ее предмет. Фикциальная природа источников не позволяет делать однозначный вывод о формах бытования обычаев в реальной практике. Однако сразу несколько произведений, взаимовлияние которых представляется маловероятным, фиксируют новый обряд, который, насколько нам известно, пока не был исследован, поэтому даже такое отраженное свидетельство его существования представляется ценным.

Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют, что большинство упоминаний горсти земли в поэзии XIX века и довоенных десятилетий века XX связано с похоронным обрядом. Часто именно этот прощальный жест служит эмблематическим изображением смерти, заменяет сообщение о ней. Единичные стихотворения отражают другие обычаи. Горсть земли становится неким па-

мятным знаком, напоминающим об умершем друге (А. И. Одоевский «Элегия на смерть А. С. Грибоедова») или присланным с исторической Родины (Н. Ф. Щербина «Отплывающему»). В поэме «Войнаровский» К. Ф. Рылеева она, как и полагалось на практике, помещена героем, оставляющим Отчизну, рядом с нательным крестом. Произведения Н. Ф. Щербины и К. Ф. Рылеева – единственные включенные в Поэтический корпус русского языка случаи непосредственного отражения обряда. Но и в них дальнейшие действия героев с землей не описаны.

Так называемая советская «оборонная» поэзия обращается к иным ситуациям. Н. Майоров в стихотворении «Когда умру, ты отошли...» просит отправить тетке горсть земли, в которой он будет похоронен. В стихотворении В. Занадворнова «Шлем» упоминание горсти земли не связано с обычаем как таковым: она просто зажата в руках погибшего, но важно, что это частица обороняемой земли.

Значимым представляется тот факт, что в предвоенной и военной лирике отсутствует описание того самого прощального жеста при погребении, с которым в первую очередь было связано упоминание горсти земли в предшествующей русской литературе. Вероятно, в условиях войны сам обряд не всегда мог быть исполнен, но и его эмблематическое воссоздание отсутствует за единственным исключением. В сти-

хотворении К. Симонова «Летаргия» расставание с любовью описано так: «Горсть земли ей бросив на прощанье, / Крест на ней поставим и уйдем» [Симонов, 1982, с. 206]. В произведениях же военной тематики обряд не упоминается вовсе: возможно, он отражал нормальное течение жизни. Кроме того, образ горсти земли закрепляется за другим обычаем – хранением частицы родной земли в разлуке с нею.

В неизменном виде черты обычая проступают в стихотворении С. Образовича «Беженцы». Описание скорбного пути людей, вынужденных покинуть свои дома, отмечено деталью: «Лишь горсть земли с родной окраины / Таят у сердца как зарок» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 437]. В стихотворении С. Кирсанова «Горсть земли» сакральный образ ставится в центр произведения. Но устрашающе меняются условия совершения обряда. Горсть земли обретается в бою: «Мина грохнулась, завыв, / чернозем вскопала, – / горсть земли – в огонь и взрыв – / около упала» [Кирсанов, 1945, с. 5]. Происходит ли схватка на родной в узком смысле слова земле, автору неважно, и этот факт переворачивает представление о своем и чужом. Родной, своей теперь является не та земля, что взрастила человека, но та, которую он оберегает.

У С. Кирсанова обычай забирать горсть земли сплетается еще с одним – клясться земле. «Самой надежной клятвой считалась та,

при которой упоминалась, а то и держалась в руках или во рту земля. Преступить такую клятву страшно, невозможно, ибо это значит оскорбить землю» [Мороз, 2004, с. 396]. Герой Кирсанова подчеркивает: «горстке слово дал свое, / что вернусь обратно» [Кирсанов, 1945, с. 5]. То же действие упоминает С. Обрадович, его беженцы хранят землю как «зарок». Объединяет тексты и сходное завершение, раскрывающее суть обета: «Земле прапрадедов хозяин / ее вернет в победный срок» [Кирсанов, 1945, с. 437] – «ее опять слеблю / с остальной землею» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 5].

Мы наблюдаем два аспекта трансформации обряда: землю, на которой поклялись, носят с собой как напоминание о клятве. Обряд прирастает важным завершением: землю необходимо вернуть обратно. В ситуации отступления это фактически означает обещание переломить ход войны. Прежние функции реликвии (символическое пребывание на Родине, возможность быть похороненным в своей земле, защита оберегом) полностью потеснены новой – дать зримое воплощение зарока, укрепить чувство ответственности и мужество. Отметим, что эти цели не связаны с приобретением личного блага, сам обряд напрямую не связан с магической силой, но подчеркивает гражданские ценности.

Соотношение своего и чужого сложно трансформируется в усло-

виях войны. Обряд мотивирован не стремлением превратить чужое в свое, а желанием не допустить превращения своего в чужое. Сложный с точки зрения традиционного сознания статус оккупированной земли отразили наиболее чуткие к народной аксиологии поэты военной поры. А. Твардовский в стихотворении «Возмездие» описывает эту ситуацию как разлад, расколовший целостный универсум: «Мы покидали милые поля, / Где провожал нас каждый колос хлеба / И каждый кустик сизый ковыля. / Да, то была родимая земля, / Хотя над ней чужое было небо» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 660]. К. Симонов в стихотворении «Возвращение в город» полностью перенимает мифологическую логику, что позволяет сказать об отступлении: «Когда твой отступавший полк / Их на год отдал на чужбину». Выражение «отдал на чужбину» указывает не на реальное перемещение, а на смещение ценностных границ. Хотя поэты находят разные решения для мучительного вопроса о статусе завоеванной русской земли, очевидно стремление осмыслить факт оккупации в категориях «свое – чужое». В этих стихотворениях не упомянута горсть земли, однако они помогают постичь законы мифологического мышления, которое, как мы полагаем, было общим для исследуемых здесь авторов. Эти произведения делают очевидной еще одну, непроговариваемую функцию обряда: земля не отдает-

ся, а символически забирается с собой, и, покуда сакральный предмет хранится, свое остается своим.

В некоторых стихотворениях военной поры горсть земли замещается другим предметом. Но перед нами не случайный памятный знак, поэты подчеркивают эквивалентность целого части, предмета всему пространству Родины – метонимическая основа обряда сохраняется.

В стихотворении С. Гудзенко «Сентиментальный нежный друг...» память о родном для поэта Киеве воплотил кленовый лист. Включение этого текста в исследование было бы произвольным, если бы поэт не связал свои действия с древним обычаем, отойти от которого его заставила стремительность отступления: «Ведь это всё, что я унёс из Киева тогда. / <...> Я не припал к родной земле, / Не взял в дорогу горсть земли» [Гудзенко, 1956, с. 78]. Гудзенко сохраняет принцип эквивалентности части целому, но основывает его не на метонимии, а на метафоре: «И только он, кленовый лист, / Хранил воспоминаний дрожь / (Его сорвал осенний дождь). / Но жилки красные на нём напомнили мне кровь дорог...» [Гудзенко, 1956, с. 78].

В песне «Севастопольский камень» на стихи А. Жарова (публикуется также под названием «Заветный камень») роль сакрального знака выполняет кусочек гранита от утеса. На создание стихов поэта вдохновил очерк Л. В. Соловьева «Севастопольский камень». Прозаи-

ческая форма позволяет более прямо обозначить новые функции ношения памятного знака: «приду в Севастополь обратно, своей рукой положу этот камень на место, крепко впаяю на цемент, и тогда отдохнет мое сердце. А до тех пор буду носить его на груди – пусть он жжет меня, и тревожит, и не дает мне покоя ни днем ни ночью...» [Соловьев]. Текст Л. В. Соловьева близок к фиксации предания; некоторые его моменты и вовсе фантастичны: камень прожигает тельняшку, умножает смелость своих обладателей. Однако принадлежность текста к жанру очерка, указание имен и званий свидетельствует о реальной природе обычая и распространении, если не самой практики, то рассказов о ней в военной среде.

Необходимо отметить полный разрыв обычая с прежней функцией – обеспечить погребение в родной земле. Многие хранители камня умирают, но перед смертью передают дорогую реликвию. Хотя в стихотворении А. Жарова подчеркнута мемориальная функция камня: «Затем, чтоб вдали / От крымской земли / О ней мы забыть не могли» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 188], однако его сюжет сохраняет все описанные в очерке компоненты обряда: клятва; магическое действие гранита, воспаляющего сердце; необходимость вернуть камень.

Замена земли гранитом и листом все же говорит об утрате некоторых глубинных, мифологических черт обычая. Думается, в его основе было

стремление соединиться с матерью сырой землей, включиться в ряд прошлых и будущих рождений (ведь в родной земле были захоронены предки). И все же в стихотворении А. Жарова, несмотря на неплодородность, мертвенность гранита, отголоски идеи соединения с предками и увлажненности как залога плодородия присутствуют: «Пусть свято хранит / Мой камень-гранит, – / Он русскою кровью омыт» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 189].

Иные изменения претерпевает обычай в стихотворении Я. Смелякова «Судья», в котором горсть отвоеванной земли навсегда остается в руке погибшего солдата. Поэт в духе древнейших представлений истолковывает смерть как переселение в иную землю, и эта аналогия позволяет ему описать предсмертный жест как соблюдение обычая: «И, уходя в страну иную / от мест родных невдалеке, / он землю теплую, сырую / зажал в костенюющей руке» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 592]. Здесь в одном действии соединяются две фазы трансформированного обряда: герой забирает землю как самое дорогое и эта земля остается с ним при захоронении. Но отметим, что, как и во всей военной поэзии, происходит характерное смещение акцентов: зажатая в горсти земля не просто «от мест родных невдалеке», но это «горсть отвоеванной России» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 592]. Важно, что именно победа возвращает погребальную часть в

описываемый обряд, очевидно, она позволяет во всех значениях «упокоиться» солдату. Далее Я. Смеляков развивает сюжет, представляя убитого юношу судьей в загробном мире, где тот измерит всех людей этой горстью. Так горсть земли становится воплощением не только родной земли, но и символом величия смерти за нее.

На игре двумя значениями слова «земля» основан художественный эффект ряда стихотворений военной поры. Выражение «горсть земли» и без упоминания об обряде остается культурным сигналом метонимической замены большого пространства Родины ее частью.

Как перифраз выражение «горсть земли» появилось в стихотворении К. Симонова «Родина», герой которого в узком локальном пейзаже видит «Ту горсть земли, которая годится, / Чтоб видеть в ней приметы всей земли» [Симонов, 1982, с. 123]. Поскольку выражение изначально было связано с установлением эквивалентности между частью и целым, то в использовании его для называния замкнутого пейзажа мы видим перенос наименования по функции.

Перифраз повторен в созданном с несомненной оглядкой на Симонова стихотворении И. Эренбурга «Мир велик, а перед самой смертью...». У последнего фраза «горсть земли» не столь однозначно указывает на пейзаж, да и эпитеты делают образ амбивалентным: это и вещество, и пространство. Смутные

аллюзии, навеваемые словом «суеверье», указывают на связанные с землей обычаи: «Остается только эта горстка, / Теплая и темная, как сердце, / Хоть ее и называли черствой, / Горсть земли, похожей на другую, – / Сколько в ней любви и суеверья!» [Лирика 40-х годов, 1977, с. 744]. Похожая двойственность характерна и для стихотворения Н. Рыленкова «Русская песня». Пейзаж на наших глазах сужается, обнаруживая как свой предел замыкание на почве в самом буквальном смысле: «А рядом поле то, / Что кровью полито, / Где ком земли сырой / Дороже золота» [Рыленков, 1956, с. 122]. Отметим, что Н. Рыленков возвращается к образу сырой рождающей земли в самом буквальном и трагическом, но и наиболее близком фольклору смысле.

Знаменательно, что одна из акций, посвященных празднованию 75-летия Победы, имеет символическое название «Горсть памяти» и опирается на древнюю традицию. По инициативе Министерства Обороны Российской Федерации 22 июня 2019 года во многих городах состоялся торжественный забор земли с мест захоронений (акция была продолжена и далее). Собранная в солдатские кисеты, позже она будет запечатана в гильзы и станет основой мемориала Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации [Патриотическая акция «Горсть памяти» ...]. Очевидно, что эта инициатива опирается на до сих пор распространенный обычай со-

единять усопших, перенося землю с одного захоронения на другое, или хранить в качестве реликвии и одновременно магического средства землю с могилы святых. Отметим, что церковь осуждает подобную практику и разъясняет верующим ее языческую подоплеку [Скитер]. Вероятно, отрицая целебные свойства такого артефакта, церковь видит в ней памятный знак: земле отказано в магической функции, но не в знаковой. Акция «Горсть памяти» внешне далека от описанного в статье обряда сохранения земли как зорока и обязательного возвращения земли, да и санкционированное действие, безусловно, не является укоренившимся обычаем. Однако очевидно, что, как и всякое использование земли с захоронения, оно опирается на идею символического присутствия умершего в земле. Поскольку сами воевавшие по прошествии лет уже перешли в статус предков, соединение вместе земли, содержащей их прах, понимается как квинтэссенция своего пространства, мощное хранилище памяти.

Таким образом, анализ военной поэзии позволяет говорить о сохранении в советской культуре большинства обычаев, связанных с землей. В ситуации перехода своей земли к врагу, приобретения ею статуса чужой на основе народных верований формируется (как предание или как практика) новый обычай. Его структурными компонентами являются обретение горсти земли в момент боя, актуализация

обычая при переходе земли к врагу, возможность замены земли иным предметом, утрата связи с похоронным обрядом, клятва земле и, главное, необходимость вернуть горсть земли, то есть условием исполне-

ния обряда, по существу, является победа над врагом. Характерно, что обычай не имеет магической составляющей и четких личных целей, а связан со знаковым воплощением патриотических ценностей.

Библиографический список

1. Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. CXI-CXII. № 3-4. С. 42-80.
2. Гудзенко С. Стихи и поэмы. Москва : Воениздат, 1956. 272 с.
3. Живанович М. Чемодан русского беженца: горсть родной земли, книги, иконы // Столетие двух эмиграция. 1919-2019. Москва : Институт славяноведения РАН ; Белград : Информатика. С. 163-178.
4. Кирсанов С. Стихи войны. Москва : Советский писатель, 1945. 134 с.
5. Лирика 40-х годов. Фрунзе : Кыргызстан, 1977. 768 с.
6. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург : Полисет, 1994. 446 с.
7. Мороз А. «От земли уродиться да в землю ложиться...» // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 392-400.
8. Патриотическая акция «Горсть памяти» пройдет 22 июня во всех регионах России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6570502>. (Дата обращения: 22.05.2020).
9. Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. Москва ; Ленинград : Academia, 1934. 486 с.
10. Рыленков Н. Стихотворения и поэмы. Москва : Гослитиздат, 1956. 335 с.
11. Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Советский писатель, 1982. 623 с.
12. Скитер Е. М. Чудотворна ли «земелька с могилки»? URL: http://halkidon2006.orthodoxy.ru/sueverie/Zemlya_s_mogily.htm. (Дата обращения: 22.05.2020).
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. Москва : Международные отношения, 1999. 697 с.
14. Соболев А. Обряд прощания с землей перед исповедью. Заговоры и духовные стихи. Владимир: тип. Губ. правл., 1914. 40 с.
15. Соловьев Л. В. Севастопольский камень. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=264769&p=1>. (Дата обращения: 22.05.2020).
16. Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва : Гнозис, 1994. 608 с.

Reference List

1. Bogatyrev P. G. Verovaniya velikorussov Shenkurskogo uezda = The beliefs of Great Russians of Shenkursky county // Jethnograficheskoe obozrenie. 1916. Kn. CXI-CXII. № 3-4. S. 42-80.
2. Gudzenko S. Stihi i pojemy Poems an verses. Moskva : Voenizdat, 1956. 272 s.

3. Zhivanovich M. Chemodan russkogo bezhenca: gorst' rodnoj zemli, knigi, ikony = A case of a Russian refugee : a handful of earth, books, icons // Stoletie dvuh jemigracija. 1919-2019. Moskva : Institut slavjanovedenija RAN ; Belgrad : Informatika. S. 163-178.
4. Kirsanov S. Stihi vojny = The poems of war. Moskva : Sovetskij pisatel', 1945. 134 s.
5. Lirika 40-h godov = The lyrics of the 40-s. Frunze : Kyrgyzstan, 1977. 768 s.
6. Maksimov S. V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila = Devilry, unknown and cross power. Sankt-Peterburg : Poliset, 1994. 446 s.
7. Moroz A. «Ot zemli urodit'sja da v zemlju lozhit'sja...» = "From earth to be born and to the earth to lie" // Otechestvennye zapiski. 2004. № 1. S. 392-400.
8. Patrioticheskaia akcija «Gorst' pamjati» proidet 22 ijunja vo vseh regionah Ros-sii = Patriotic action "A handful of memory" will take place on the 22of June in all Russian regions. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6570502>. (Data obrashhenija: 22.05.2020).
9. Pryzhov I. G. Ocherki, stat'i, pis'ma = Essays, articles, letters. Moskva ; Leningrad : Academia, 1934. 486 s.
10. Rylenkov N. Stihotvorenija i pojemy = Poems and verses. Moskva : Goslitizdat, 1956. 335 s.
11. Simonov K. M. Stihotvorenija i pojemy = Poems and verses. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1982. 623 c.
12. Skiter E. M. Chudotvorna li «zemel'ka s mogilki»? = Is the earth from the grave miraculous?. URL: http://halkidon2006.orthodoxy.ru/sueverie/Zemlya_s_mogily.htm. (Data obrashhenija: 22.05.2020).
13. Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar'. T. 2. = Slavic ancient materials. Ethnolinguistic dictionary. V. 2. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999. 697 s.
14. Sobolev A. Obrjad proshhanija s zemlej pered ispoved'ju. Zagovory i duhovnye stihi = Rite of passage with the earth before cofession. Conversation and spiritual poems. Vladimir: tip. Gub. pravl., 1914. 40 s.
15. Solov'ev L. V. Sevastopol'skij kamen' = Sevastopol stone. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=264769&p=1>. (Data obrashhenija: 22.05.2020).
16. Uspenskij B. A. Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury = Chosen works . V. 1. Semiotics of history . Semiotics of culture. Moskva : Gnozis, 1994. 608 s.